

Петербург А. Блока

Материалы экскурсии

(составитель А.В. Кузьмин)

Петербург А. Блока

(из книги Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг., 1922)

Образ Петербурга в творчестве А. Блока есть один из самых интересных моментов его истории. Тем не менее в новых формах его, в новом содержании легко узнать знакомые черты.

Традиция А. Блока примыкает к Гоголю, А. Григорьеву, Достоевскому. Из современных творцов образа Петербурга он ближе всего к Мережковскому и А. Белому. А. Белый создает целый мир Петербурга, в центре которого Медный Всадник, а в окружении Россия. Этим и только этим примыкает он к Пушкину. Словно взял и пересоздал Петербург Пушкина в согласии со своими философскими и историческими взглядами. И А. Блок создает из Петербурга целый микрокосм, в котором находит отражение вселенная. И у него чувствуется за столицей — Россия, но в центре внимания в Петровом городе не только Медный Всадник, а и Вечная Дева. Таким образом, у А. Блока встречаем мы вновь триптих Гоголя: Россия — Петербург — Вечная Дева. Связь между этими тремя образами в новом освещении, с осложненным и видоизмененным содержанием раскрывает певец Прекрасной Дамы.

<...>

Приближение к северной столице порождает в поэте образы, столь понятные каждому петербуржцу.

Меж двумя стенами бора
Легкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Лиловые сумерки, белоснежная метель, тяжелая поступь локомотива... А. Блок уже не стремится пронестись мимо печального Петербурга одним духом на «поющей и звенящей» тройке. Его внимательный, ясновидящий взор оценил унылый край. На почве болотной и зыбкой, над пучиной тряской возникла столица Империи. Окрест нее зачумленный сон воды с ржавой волной, сквозь развалины поседелых туманов виднеются места, заваленные мхами. Все болота, болота, где вскакивают пузыри земли.

Страна древнего хаоса — вот материнское лоно Петербурга.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом!

К теме самого Петербурга подходит А. Блок с большой сдержанностью. У него совершенно отсутствуют стихотворения, целиком посвященные описанию самого города, характеристике его отдельных мест, какие можно найти у В. Брюсова, Н. Гумилева, О. Мандельштама и др. поэтов современности. Даже стихотворение «Петр», посвященное излюбленной теме поэтов — Медному Всаднику, осложнено побочными мотивами. И вместе с тем можно сказать: ни у одного из поэтов наших дней Петербург не занимает такого знаменательного места, как у А. Блока. В большинстве его стихотворений присутствует без определенного топографического образа, без названия — северная столица. Посто-

Пушкинскому Дому

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятый и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы чёрный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

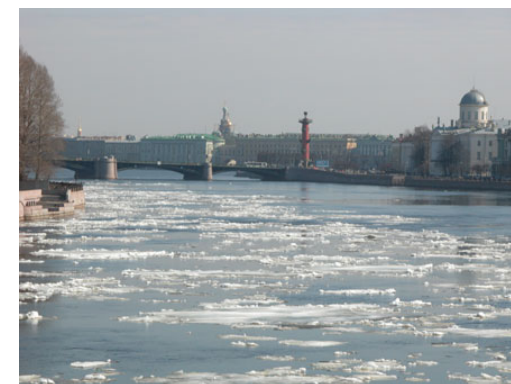
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук -
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля (29 января) 1921

Окна во двор

* * *

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светаёт. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.

Я слышу - старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся жёлтые свечи,
Забытые в чьём-то окне.

Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать - одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.

Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,
И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...

Эй, малый, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь - пройдёшь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суе непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий мимо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заметил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, светел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все - в урочный час.

Октябрь 1906

Декабрь 1906

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века -
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь – начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

янно встречаем мы ее как место действия лирического отрывка. Лишь изредка промелькнет какой-нибудь знакомый памятник города, чуть намеченный все определяющими чертами.

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.

А. Блок предпочитает говорить, не отмечая определенных мест.

Чаще всего вводится какой-нибудь мотив, характерный для Петербурга, затем он исчезает, давая место описанию какой-нибудь уличной сцены и в заключение вновь прозвучит.

Так, например, введена в картину города синяя мгла.

*Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали...*

Тема города прерывается. Как робкие тени проходят двое любящих, которых любовь обманула:

*Шли мы — луна поднималась
Выше из темных оград.*

Город, намеченный как фон, проникает в душу идущих:

*Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла.*

Так в станковых картинах кватроченто тосканский пейзаж лишь фон для благочестивого действия на библейскую тему, но он определяет весь характер картины.

Сжатые, мимолетные образы Петербурга рассеяны по всему полю творчества А. Блока. Их надо собрать воедино, но, оторванные от своего целого, посвященного другой задаче, они теряют значительную долю своего содержания. Однако все же сопоставление их дает некоторую возможность наметить образ Петербурга.

Слова А. Блока о нашем городе ложатся на его образ мягкими, прозрачными, трепетными тенями. Каким-то застенчивым призраком веет Петербург среди этих образов. Пусть остается он безымянным, пусть даже он превратится в город других мест, иных времен, какой-то обобщенный, отвлеченный, но как не узнать в нем Петербурга утонченного, болезненного; каменный город теряет свой вес, становится бесплотным духом, призраком.

«Конец улицы на краю города. Последние дома, обрываясь внезапно, открывают широкую перспективу: темный пустынный мост через большую реку.

По обеим сторонам моста дремлют тихие корабли с сигнальными огнями. За мостом тянется бесконечная, прямая, как стрелка, аллея, обрамленная цепочками фонарей и белыми от инея деревьями. В воздухе порхает и звездится снег».

А. Блок знает свой город. Ему знакомы все часы годовых смен, и зимние снежные ночи, и бледные зори.

Все части города: его гавань, предместья, каналы, даже подступы к городу нашли отзвук в его стихах, обрели в его творчестве новую жизнь.

Петербург-порт получает неожиданное освещение. Дыхание моря наполняет город. «И в переулках пахнет морем». Синяя даль, простор вод пробуждает тос-

ку по далеким краям, романтическое томление. В серебристые розы тумана оделась тоска. Но сирена, поющая в туманной дали, — гибельна. «В путь роковой и бесцельный шумный зовёт океан». Снежная вьюга веет с моря. Постоянно эта тема сопутствует теме кораблей.

Опрокинуты в твердь

Станы снежных мачт.

Над ними туча снеговая. Их путь оснеженный.

И на вьюжном море тонут корабли.

Их облик какой-то обреченный. «Не надо кораблей из дали». «Покинутые в дали». «Невозвратные повернули корабли». Море обрисовывается стихией не соединяющей, а разобщающей с чужими краями, оно словно прижимает Петербург к унылым берегам, кладя предел российским просторам. Петербург оказывается на краю земли у пределов неведомого.

Безотраден облик окраин. «Заборы — как гроба. В канавах преет гниль... Все, все погребено в безлюдья окаянном». Весной оживленье. «Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь». Поют гудки. «Ночь. Ледяная рябь канала. Аптека. Улица. Фонарь».

Описания сжатые, почти перечисление одних предметов, даже без эпитетов. Речь тяжелая, обрывистая.

Нева у Блока суровая, жутко колышатся в ней «вечно холодные», «черные» воды, «сулящие забвенье навсегда».

Воздух — полный пыли и копоти. «Лежит пластами пыль». «Встала улица, серым полна, заткалась паутиною пряжей». «Фабричная гарь». «В высь изверженный дым застилает свет зари».

Большие улицы, бесконечные проспекты с нитями фонарей, уходящих во мрак, полны вечерних содроганий. «Были улицы пьяны от криков, были солнца в сверкании витрин». И потоки экипажей, и летящий мотор, поющий «снежной мгле победно и влюбленно» или «черный, тихий, как сова» пролетает он, «брызнув в ночь огнями». Все эти образы сливаются в один.

Гулкий город, полный дрожи.

На населении Петербурга лежит особая печать тревоги.

Внимание Блока обращено на униженных и оскорбленных, не тех, «чей самый сон проклятье», на согнутые тяжелой работой спины... на старух с клюкой, слепцов-нищих, детей покинутых, шарманщика хмурого, что плачет на дворе. И много других видений «неживой столицы»: «исчезли спины, возникали лица», робкие, покорные. Все раздавленные колесами жизни, кто б они ни были: больные, уроды, все отдавшиеся хмелю страстей, с ними муза поэта Петербурга. И особенно с теми, кто раздавлен и нуждой своей, и страстями других.

Улица, улица...

Тени беззвучно спешащих

Тело продать,

И забвенье купить,

И опять погрузиться

В сонное озеро города — зимнего холода.

Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звёзды.

«Звёзды, звёзды,
Расскажите причину грусти!»

И на звёзды смотрит.

«Звёзды, звёзды,
Откуда такая тоска?»

И звёзды рассказывают.
Всё рассказывают звёзды.

Октябрь 1906

На серые камни ложилась дремота,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, -

Я видел вас, женщины в тёмных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах -
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906

Холодный день

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где проклинали друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там - в заплёванном углу...

Ты обернулась, заглянула
Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.

Нет! Счастье - праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне - молоток, тебе - игла.

Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.

Сентябрь 1906

И А. Блок поет хвалу всем опаленным, сметенным, сожженным. Перстень страданья связал им сердца. Город безысходного страданья, в который не придут корабли — вестники блаженной жизни.

Образ смерти гуляет по городу, смерти — освободительницы. То является она в голубую спаленку, в образе карлика маленького, что остановил часы жизни. «Карлик маленький держит маятник рукой». Или смерть — скелет, до глаз закутанный плащом, сует заветный пузырек яда двум безносым женщинам...

Мрачная бездна раскрывается зрячему взору, и есть упоение быть на ее краю.

*По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.
Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.*

Город смерти — город сказки. Но сказка освобождает и от жизни и от смерти. Грани между плотью и духом, явью и сном, жизнью и смертью стерты в этом городе мистерий. «Смерть, где твое жало»!

*Пойми, уменьем умирать
Душа облагорожена.*

Какие же краски отмечает А. Блок в своем восприятии Петербурга? Краски, дающие выражение лику города. Он называет его черным.

*Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?*

Но подобно тому, как в белом цвете слита вся спектральная гамма, так здесь в этом черном заключены многие тона.

Два основных дают переливы души города.

Первый синий всех оттенков, переходящих в серый. Это основной фон Петербурга, «где поживает синий мрак». «Помнишь ли город тревожный, синюю дымку вдали». «И только в душе колыхнулась синяя города мгла». «Дымно-сизый туман». «Серо-каменное тело». «Прекрасно серое небо», «безнадежная серая даль».

На мосту, вблизи дремлющих голубых кораблей, в голубых снегах является «Незнакомка», упавшая с неба «яркая и тяжелая звезда». «Снег вечно юный одевает ее плечи, опускает стан. Она, как статуя, ждет. Такой же Голубой, как она, восходит на мост из темной аллеи. Так же в снегу, так же прекрасен. Он колеблется, как тихое, синее пламя... Закрутился голубоватый снежный столб, и кажется, на этом месте и не было никого».

Целая поэма голубого цвета, и кажется, что самый Петербург, ставший призраком, колеблется, как тихое синее пламя.

Переливы серого и синего от светлых тонов, переходящих во мрак, — вот основной фон Петербурга.

Действительно — в туманах северной столицы всякий плотскими очами легко выделяет эти тона.

Но А. Блок не так разумеет цвет. По сине-серому тону прыгает зайчиком кроваво-красный цвет северных зорь.

*Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.*

Все окропило хмельное солнце.
Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой.

Город наполняется жуткой фантастикой.

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.

Этот красный цвет — красным пьяным карликом мелькает в сумраке умирающего дня среди образов смерти.

*Пьяный красный карлик не дает проходу,
Пляшет, брызжет воду, платья мочит.*

.....
*Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.*

.....
*Красное солнце село за строенье.
(«Обман»)*

*А вверху — на уступе опасном —
Тихо съезжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.*

(«В кабаках»)

...Кто-то небо запачкал в крови.

Кто-то вывесил красный фонарик...

Но пурпуровый цвет не только мотив зловещего заката. Станным образом он рассеян в Петербурге повсюду, словно в Севилье или в Неаполе.

По улицам ставят «красные рогатки», в окнах цветы пунцовые. Одежды все красные: рыжее пальто, красный колпак, красный фрак, «кто-то в красном платье поднимал на воздух малое дитя»... «А она лежала на спине, раскинув руки, в грязно-красном платье на кровавой мостовой...» Еще раз подчеркивает поэт (там же): «Вольная дева в огненном плаще». («Иду — и все мимолетно»). И видение этого города:

С расплеснутой чашей вина

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моём стакане отражён
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушён.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чьё-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склонённые
В моём качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906. Озерки

In vino veritas! - Истина в вине! (лат.).

Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточён,
Ещё монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.

И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Ещё не властен на Неве.

Уже на домах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы тёмные дворцы.

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

18 октября 1905

Ещё прекрасно серое небо,
Ещё безнадежна серая даль.
Ещё несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...

И в небе сером холодные светы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в чёрном* не даст ответа,
Пока не застигнет его заря.

Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он угрюмой опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мёртвым лечь...

18 октября 1905

Латник в чёрном – статуя на кровле Зимнего дворца
(Примечание А. Блока).

На Звере Багряном — Жена...
(«Невидимка»)

Нельзя видеть в этом повторяющемся ударении на этом звучном русском слове случайность. Слишком он чужд Петербургу, зримому плотским взором.

В этом городе вечерних содроганий, ветров и зимних пург — красный цвет — цвет страсти в сочетании с зловещими закатами — окрашивает город предчувствием великих потрясений.

Только два стихотворения посвящены А. Блоком непосредственно характеристике Петербурга («Снежная Дева» и «Петр»).

Из дикой дали в город Петра пришла Снежная Дева, «ночная дочь иных времен».

*Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.*

*Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.*

Снежная Дева не только дочь иных времен, но и стран далеких.

*Все снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.*

Ее образ неясен. Может быть, эта пришедшая с берегов Нила дева все та же Вечная Дева, что являлась Владимиру Соловьеву, сначала в Москве, потом в Лондоне, и, наконец, под полно-звездным небом пустыни Египта. Во всяком случае, это все тот же образ Прекрасной Дамы в новой своей ипостаси:

*И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.*

*Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.*

*Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.*

В этом замечательном отрывке А. Блок выявляет свою связь с Петербургом. Дважды называет его своим городом. Город Петра представляется ему целым миром, как некогда для Гете был Рим. Но Петербург должно принять, как и саму Россию, только верою, непостижимой верою. Тайна объемлет и Снежную Деву и самый город, да и сама тайна непостижимая. Петербург — царство мис-

терии. И в нем, как и по всей Руси, гуляет ветер среди мглы. Ветер, космическая сила, предвестник рождения.

В этом царстве Снежной Девы есть рыцарь: Медный Всадник, страж непо-стижимого города.

*Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.*

*Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.
(«Петр»)*

При мерцающем его свете начинается мистерия, жуткая ночная сказка и вместе с тем такая обыденная, но полная «пошлости таинственной».

*Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцанье тусклых площадей
Потянутся рядами пары.*

*Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!*

*Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, женских — струнных!*

Это все та же хорошо знакомая нам суета сует «Невского проспекта», «где все обман, все мечта, все не то, что кажется». Ночная жизнь города полна волнующей жуткой тайны. В недрах ее распускается ночная фиалка, лиловый цвет-ток. Среди хаоса этого мелькания в величественном покое возносится Медный Всадник, гений Петербурга, царящий над неумолчно шумящим городом.

*Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.*

Но тишина не наступит в ней. С новой зарей возобновится суета сует. В этом петербургском стихотворении А. Блок все подготовил для появления ноч-ной фиалки.

Явление Вечной Девы изображено в «Незнакомке». Поэт берет самые мрач-ные стороны пьяного быта и сообщает им напряженную остроту.

Невидимка

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарёй вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дома,
Протяжно зовёт и поёт
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?
Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?

И воет, как брошенный пёс,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко...

И ломится в чёрный притон
Ватага весёлых и пьяных,
И каждый во мглу увлечён
Толпой проститутток румяных...

В тени гробовой фанари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...

Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отворенной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплётнутой чашей вина
На Звере Багряном - Жена.

16 апреля 1905

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенью купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города - зимнего холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.

О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклонённых над скудной работой!

Всё тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

Январь 1905

Иду - и всё мимолётно.
Вечереет - и газ зажгли.
Музыка ведёт бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.

Они глядят в подворотни,
Где шарманщик вздыхал над тенью своей...
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги моей?

Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно еще...
И - внезапно - тенью гадательной -
Вольная дева в огненном плаще!..

В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит еще...
И она тебя кольцом неразлучным сожмёт
В змеином логовище.

9 марта 1905

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

Пыль переулочная, крендель булочной, детский плач: все скучные образы петербургских будней.

Поэт придает своим словам давящую тягостность, и самими звуками ударяют какой-то грубой силой.

*И каждый вечер, за шлакбаумами,
Заламываемые котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.*

.....
*А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат.*

Подобно Гоголю и Достоевскому сгущает Блок грязные краски прозы, чтобы вскрыть в ней великую фантастику. Вспомним любовь Версилова к трактирам.

В своих «пошлых и прозаичных» образах А. Блок создает необходимую раму для начала мистерии в его понимании.

Подготовка явления Вечной Девы закончена. Распускается ночная фиалка. (Вспомним «Голубой цветок» Новалиса.)

«И среди этого огня взоров, среди вихря взоров, возникнет внезапно, как бы расцветает под голубым снегом — одно лицо, единственно прекрасный лик Незнакомки...»

Вечная сказка. Это — Она — мироправительница. Она держит жезл и повелевает миром. Все мы очарованы Ею... Вечное возвращение. Снова Она объемлет шар земной». Поэт погружается в голубой мир.

Таков комментарий к стихам «Незнакомка» в пьесе того же имени. Легко в ней узнать возвратившуюся Прекрасную Даму.

Вечно юная вернулась из незаренных туманов, из царства синих снегов.

Она приходит теперь, подобная проститутке, среди трактирного угара. Однако это ее воплощение не вызывает в Блоке трагедии «вечной борьбы мечты и естественности», как в Гоголе. Все это так и должно быть. Страшный путь пройден духом поэта наших дней. И, может быть, именно здесь, в этом месте, в этом воплощении ее легче всего постичь. И такой не отвергнет А. Блок Вечную Деву. Однако на мгновение словно дрогнул его голос. («Иль это только снится мне!») Но вопрос об отношении мечты и яви потерял для него свою остроту.

То, что совершается в душе поэта, имеет ценность полновесной правды. И не пугает уже его, что это «не то, что кажется». «В час назначенный» медленно проходит виденье, дыша духами и туманами.

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,*

*И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

Царство туманов, древние поверья — все это, несмотря на современный наряд, роднит Незнакомку со Снежной Девой. Блок узнает то «виденье, непостижимое уму», что с давних лет «в сердце врезалось ему».

*И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено...*

Незнакомка уводит поэта в миры иные, на дальние берега, где цветут ее очи синие, бездонные, в царство, где распускается голубой цветок — солнце романтиков.

Близкий Блоку своей передачей Петербурга, Гоголь знал лишь то, что северной столице нужна Россия, и не знал, нужна ли она своей стране.

Для А. Блока здесь не было вопроса. Ему достаточно знать, что Россия уже давно приняла свою северную столицу, сроднилась с ней, приобщила ее к своему размаху, своей тоске и своей будущности, таящейся «во мраке и холоде грядущих дней». Ту Россию, которую любил А. Блок, возглавить не могла старая Москва, но только Петербург — непостижимая столица непостижимой страны.

*Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред сфинксом с древнею загадкой.*

Образ Петербурга в поэзии А. Блока является звеном традиции восприятия нашего города, самой значительной и самой глубокой. Но примыкание к традиции не есть поглощение ею. Образ А. Блока вполне индивидуален. Город таинственной пошлости претворяется в город теофаний. Но это новое слово о Петербурге звучит тихо и глухо. И не настало время стараться исчерпать его глубину.

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюблённых в молву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ликов!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари - не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажёл их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи тротуара,
Он одну приобщил небесам...

А вверху - на уступе опасном -
Тихо съёжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.
Красный с козел прыгнул - и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.

Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.

Луч дождливую мглу пронизал -
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.

Сентябрь 1904

День поблек, изящный и невинный,
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.

Встала в лёгкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве -
Покачнулась - умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904

Стихотворения А. Блока, посвященные Городу

Пять изгибов сокровенных
Добрых линий на земле.
К ним причастные во мгле
Пять стенаний вдохновенных.

Вы, рожденные вдали,
Мне, смятенному, причастны
Краем дальним и прекрасным
Переполненной земли.

Пять изгибов вдохновенных,
Семь и десять по краям,
Восемь, девять, средний храм —
Пять стенаний сокровенных,

Но ужасней — средний храм —
Меж десяткой и девяткой,
С черной, выпренной загадкой,
С воскуреньями богам.

10 марта 1901

Последний день

Ранним утром, когда люди ленились шевелиться,
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.

Утро копошилось. Безнадёжно догорели свечи,
Оплывший огарок маячил в оплывших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчёсывал пробор в волосах.

Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Ещё вечером у фонаря её лицо блеснуло,
В этой самой комнате была влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,
На всём был серый постылый налёт.
Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,
Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки,
Раскачнулась под ветром, осыпая снег.
В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,
И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота
(Улицу скрывал дощатый забор).
Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,
Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди собрались,
Женщина-блудница - от ложа пьяного желанья -
На коленях, в рубашке, поднимала руки ввысь...

Высоко - над домами - в тумане снежной бури,
На месте полуденных туч и полуночных звёзд,
Розовым зигзагом в развёрстой лазури
Тонкая рука распластала тонкий крест.

3 февраля 1904

В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.

Лица плыли и сменились,
Утонули в тёмной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней каске
Золочёные гербы.

Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...

В тёмном зале свет заёмный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе - вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Чёрный веер распустила,
Чёрным шёлком оттенила
Бледно-матовую грудь.

Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до тёмной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отражённый, переменный -
Свет мерцал в глазах зевак...

Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти - взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!

25 сентября 1904

Гимн

В пыльный город небесный кузнец прикатил
Огневой переменчивый диск.
И по улицам - словно бесчисленных пил
Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожжённое сердце стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот - всем телом прижат под фабричной трубой
Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает меха,
И свистит раскалённый, пылающий бич.

Вот - на груди горячих камней
Распростёрта не смеющая пасть...
Грудь раскрыта - и бродит меж тёмных бровей
Набежавшая страсть...

Вот - монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперёд...
Но и тех, кто безумно обеты даёт,
Кто бесстрастные гимны поёт,
Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях - хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, -
Наши гимны, и песни, и сны - без числа!..

Золотая игла!
Исполинским лучом поражённая мгла!

Опалённым, сметённым, сожжённым дотла -
Хвала!

27 августа 1904

Пётр

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей раслубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и тротуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, весёлый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрёстки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских - крикливых, женских - струнных!

Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простёртой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

Поединок

Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.

Чутко веет над столицей
Угнетённого Петра.
Вечерница льнёт к деннице,
Несказанной вечера.

И зарёй - очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...

Вдруг летит с отвагой ратной -
В бранном шлеме голова -
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!

Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...
Слышу коней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...

Светлый Муж ударил Деда!
Белый - чёрного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..

Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлён...
Бейся, колокол раздольный,
Разглашай весенний звон!

Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:

Не мелькнёт ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдёт ли от божницы
Лучезарная Сама?

22 февраля 1904

Обман

В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не даёт проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье мочит.

Девушке страшно. Закрылась платочком.
Тёмный вечер ближе. Солнце за трубой.
Карлик прыгнул в лужицу красным комочком,
Гонит струйку к струйке сморщенной рукой.

Девушку манит и пугает отраженьё.
Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабричная гарь.

Будто издали невнятно доносятся звуки...
Где-то каплет с крыши... где-то кашель старика...
Безжизненно цепляются холодные руки...
В расширенных глазах не видно зрачка...

.....

Как страшно! Как бездомно! Там, у забора,
Легла некрасивым мокрым комком.
Плачет, чтобы ночь протянулась не скоро -
Стыдно возвратиться с дьявольским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые кадки.
В светлых струйках весело пляшет синева.
По улицам ставят красные рогатки.
Шлёпают солдатики: раз! два! раз! два!

В переулке у мокрого забора над телом
Спящей девушки - трясётся, бормочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеёк башмаки: раз! два!

Башмаки, крутятся, несутся по течению,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Ещё мгновенье -
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись, - и струйки шепчутся невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах её красно-голубые пятна.
Блёстки солнца. Струйки. Брызги. Весна.

5 марта 1904

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик - преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли -
Всем безумным приют.
В этот город торговли
Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
В дымно-сизый туман...

26 июня 1904

Город в красные пределы
Мёртвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.

Стены фабрик, стёкла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон -
Всё закатом залито.

Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,

Красный дворник плещет вёдра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бёдра
Проститутки площадной,

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окравленный язык.

28 июня 1904

Я жалобной рукой сжимаю свой костыль.
Мой друг - влюблён в луну - живёт её обманом.
Вот - третий на пути. О, милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором оловянным?

И - трое мы бредём. Лежит пластами пыль.
Всё пусто - здесь и там - под зноем неустанным.
Заборы - как гроба. В канавах прееет гниль.
Всё, всё погребено в безлюдьи окаянном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.
Мы робко шепчем в дверь: «Не умер - спит ваш близкий...»
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредём. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904